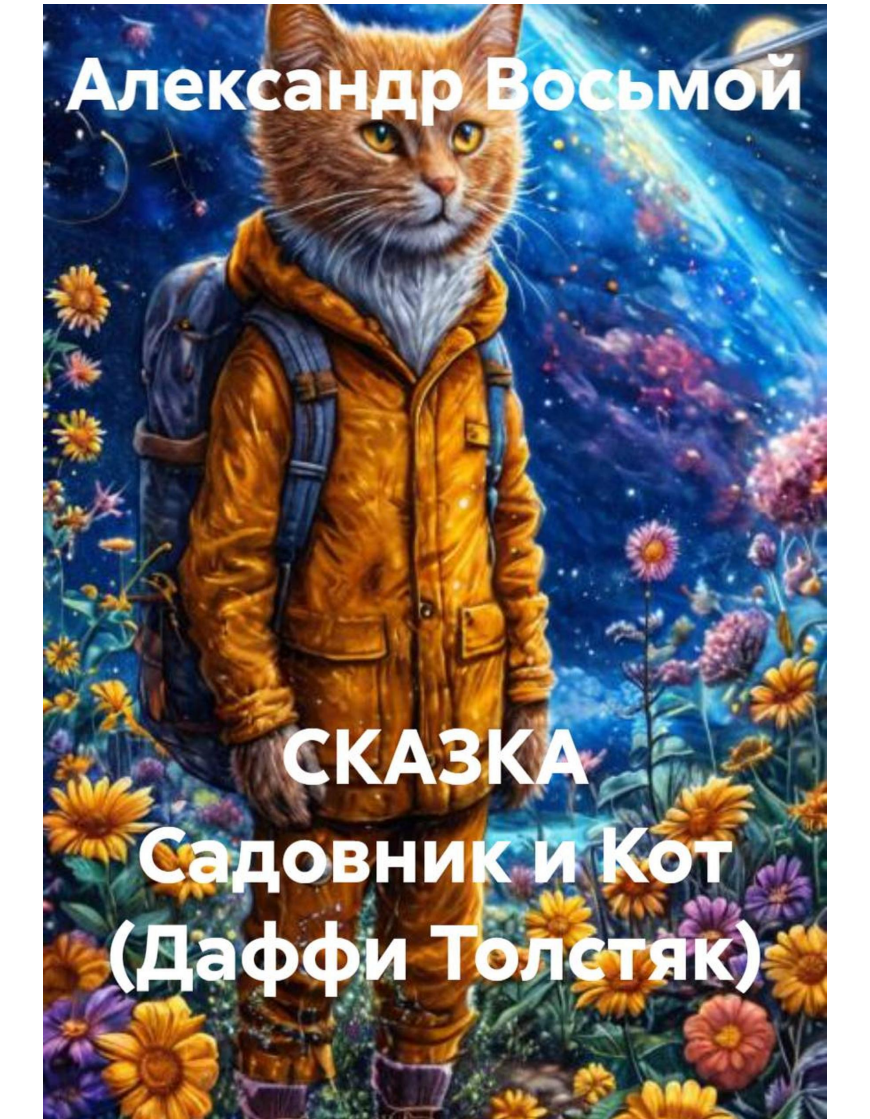

Александр Восьмой

СКАЗКА
Садовник и Кот
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

СКАЗКА Садовник и Кот (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74046209>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Космический садовник и Последний космический кот»

Старый садовник выращивает туманности из семян, собранных на окраинах Вселенной. Он учит детей, что красота требует времени, а самые яркие галактики начинаются с крошечного зёрнышка терпения. Сказка о заботе, цикличности жизни и о том, как ухаживать за своим внутренним светом.

Космический кот — последний из своего рода — путешествует по Вселенной, собирая истории о звёздах, которые вот-вот погаснут. Он записывает их в свой хвост, чтобы никто не забыл. Сказка о сохранении памяти, ценности каждой истории и о том, что даже один голос может спасти целую галактику от забвения.

Александр Восьмой

СКАЗКА Садовник и Кот (Даффи Толстяк)

Глава 1. Сад на краю Млечного Пути

Там, где Млечный Путь истончается до едва уловимой нити света, а пространство становится таким тихим, что слышно, как рождаются сны, раскинулся Сад Космического садовника.

Это было не то место, которое можно найти по карте. К нему не вели дороги и не указывали стрелки. Сюда приходили только те, кто умел слушать тишину. Сад жил по своим законам: здесь время текло не вперёд, а по кругу, как вода в древнем фонтане, и каждый миг был одновременно и началом, и продолжением чего-то бесконечно старого и бесконечно нового.

Садовник был стар, но не так, как стареют люди, спешащие к закату. Его старость была похожа на зрелость огромной звезды, которая не сгорает, а накапливает свет. Его руки, покрытые тонкой сетью серебристых линий, помнили прикосновение миллиардов семян. В его глазах отражались галактики, которые он вырастил из крошечных зёрнышек, едва различимых даже под самым сильным телескопом.

Он двигался по саду медленно, почти невесомо, словно

боялся спугнуть сам воздух. Между рядами клумб, где вместо цветов пульсировали сгустки космической пыли, а вместо травы струились потоки холодного света, он останавливался у каждого ростка, склонял голову и шептал что-то едва слышно — не заклинания, а, скорее, слова ободрения. Он говорил с туманностями, как говорят с детьми: терпеливо, с любовью, без требования немедленного ответа.

— Терпение, — повторял он, касаясь полупрозрачного лепестка молодой туманности. — Красота не торопится. Она раскрывается, как дыхание.

В эту ночь небо было особенно тёмным. Не той тьмой, что бывает между звёздами, а чем-то более глубоким, будто сама пустота решила присмотреться к саду. Садовник почувствовал это изменение раньше, чем увидел. Сначала это было лишь лёгкое покалывание на кончиках пальцев, потом — холод, который не касался кожи, а проникал прямо в память, пытаясь стереть из неё что-то важное.

Он достал из нагрудного кармана маленький мешочек, сотканный из лунного света и паутины комет. Внутри лежало одно-единственное семя — самое хрупкое из всех, что ему когда-либо удавалось найти. Оно было почти невидимым: крошечная искра, завернутая в оболочку из тишины. Садовник нашёл его на окраине Вселенной, там, где космос становился тоньше бумаги и вот-вот мог порваться.

Осторожно, как будто держал в руках чьё-то спящее сердце, он наклонился и сделал в почве — если так можно было

назвать эту смесь звёздной пыли и застывшего света — маленькую ямку. Его движения были точными, выверенными веками практики. Он не спешил. Он знал: если поторопиться, семя испугается и замкнётся в себе, и тогда новая галактика никогда не родится.

— Ты такое маленькое, — тихо сказал он семени, словно оно могло его услышать. — Но в тебе спрятан целый мир. Тебе нужно только немного времени... и немного заботы.

Он опустил семя в ямку, прикрыл его тонким слоем космической пыли и провёл над этим местом ладонью, как бы накрывая его невидимым куполом защиты. Затем он сел рядом на камень, похожий на застывшую молнию, и стал ждать. Не результата — он знал, что первые признаки жизни могут появиться через столетия. Он ждал ощущения: того самого тихого «щёлочка», когда семя решает, что здесь безопасно, и начинает прорастать.

Но вместо этого он почувствовал другое.

Тень.

Она подкрадывалась не спеша, как туман стелется по земле. Это была не обычная тьма, не отсутствие света. Это было забвение — холодная, равнодушная сила, которая стирала звёзды не с небес, а из памяти Вселенной. Она не разрушала галактики — она делала так, что о них переставали помнить. И если о звезде никто не помнил, она гасла навсегда.

Садовник поднял голову и посмотрел в ту сторону, откуда шла тень. Его глаза, привыкшие видеть сквозь тьму, разли-

чали теперь не звёзды, а пустоты там, где звёзды должны были быть. Словно кто-то аккуратно вырезал их из ткани неба ножницами, сделанными из молчания.

Впервые за долгие века он почувствовал, как в груди шевельнулось что-то похожее на страх. Не за себя — он давно перестал бояться пустоты. Он испугался за свои туманности, за галактики, которые ещё не успели родиться, за детей, которых он учил, что красота требует времени. Что, если это время у них отнимут? Что, если забвение придёт раньше, чем они успеют расцвести?

— Я старался, — прошептал он, глядя на маленькую ямку, где лежало хрупкое семя. — Я так старался...

И в этот момент он понял: одной заботы может быть недостаточно. Терпения и любви хватало, чтобы вырастить галактику из семени. Но чтобы защитить её от забвения, нужно было что-то ещё. Что-то, что хранило бы память о свете, даже когда сам свет становился слишком слабым, чтобы сиять.

Сад замер, словно прислушиваясь к его мыслям. Звёзды на краю неба притихли, перестав шептать друг другу сны. Даже ветер, который здесь был не воздухом, а движением света, остановился на мгновение.

И тогда, из тени, где забвение собирало свои силы, раздался тихий звук — не шёпот, не крик, а что-то среднее между мурлыканьем и эхом далёкой звезды.

Садовник медленно повернул голову.

На границе света и тьмы сидел кот. Огромный, пушистый,

с глазами, похожими на две маленькие галактики. Его хвост струился за ним, как шлейф из воспоминаний, и в каждом волоске мерцали крошечные огоньки — истории, которые он собрал в своих странствиях.

Это был Последний космический кот.

Он смотрел на Садовника не с любопытством, а с пониманием — так смотрят те, кто видел, как гаснут звёзды, и знает цену каждому оставшемуся свету.

— Ты чувствуешь это, да? — спросил кот, и его голос звучал так, будто шёл сразу со всех сторон. — Забвение приходит. Оно уже стирает имена. Скоро никто не вспомнит, что эти звёзды вообще когда-то горели.

Садовник кивнул. Его руки слегка дрожали, но голос был твёрдым:

— Я могу вырастить новые. Из семян. Но если никто не будет помнить старые... какой в этом смысл?

Кот медленно подошёл ближе, и с каждым его шагом в воздухе вспыхивали крошечные искры — воспоминания, которые он нёс в своём хвосте.

— Смысл в том, чтобы помнить, — сказал он, садясь рядом с Садовником. — И в том, чтобы рассказывать. Я собираю истории о звёздах, которые гаснут. Записываю их в свой хвост, чтобы никто не забыл. Но одного меня мало. Этой тьмы слишком много.

Они сидели рядом — старый Садовник, который верил, что свет можно вырастить из семени, и космический кот, ко-

торый знал, что свет можно сохранить в памяти. И впервые за долгие века Садовник почувствовал не одиночество, а надежду. Потому что теперь он был не один.

— Тогда мы будем делать это вместе, — тихо произнёс он, глядя на ямку с хрупким семенем. — Ты будешь хранить память о том, что было. А я буду выращивать то, что будет. И, может быть... может быть, этого хватит.

Кот слегка наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Может быть, — согласился он. — Но нам придётся спешить. Забвение не ждёт.

Тень над садом стала чуть плотнее. Но теперь, когда рядом были двое, она уже не казалась такой непреодолимой.

Потому что там, где есть память и забота, даже самая глубокая тьма не может победить окончательно.

Глава 2. Хвост, полный историй

Космический кот скользил между созвездиями, как тень скользит по стене в час заката — бесшумно, плавно, почти незаметно. Но там, где он проходил, пространство вздрагивало, будто вспоминало что-то давно забытое. Его движения не нарушали тишину космоса — они её наполняли.

Он был последним из своего рода, и это одиночество не тяготило его, а стало частью его сущности, как свет — часть

звезды. Он не искал славы и не стремился к признанию. Его миссия была тихой, но великой: собирать истории умирающих звёзд и хранить их в своём хвосте.

Хвост Кота был не просто хвостом. Это была живая летопись Вселенной. Каждый волосок в нём был нитью памяти, тонкой и прочной, как паутина, сотканная из света. В одном волоске пряталась история молодой звезды, которая вспыхнула и погасла за считанные мгновения, успев лишь прошептать: «Я была». В другом — долгая сага о красном гиганте, который десятилетиями пел свои песни, пока не истратил весь свой огонь. В третьем — слезинка туманности, оплакивающей исчезнувшую систему.

Кот двигался от звезды к звезде, прислушиваясь к их последним словам. Он не записывал их чернилами на бумаге — бумага сгорает, чернила выцветают. Он впитывал их всем своим существом, и они сами находили своё место в его хвосте, словно знали, где им будет безопаснее всего.

В этот вечер он приблизился к звезде, которая уже почти угасла. Её свет был едва различим — тонкий, дрожащий луч, похожий на воспоминание, которое вот-вот исчезнет. Кот остановился рядом, сел, поджав лапы, и склонил голову, чтобы лучше слышать.

— Расскажи мне, — тихо попросил он, хотя звезда уже почти не могла говорить. — Расскажи всё, что помнишь. Даже самое маленькое. Даже то, что кажется неважным.

И звезда заговорила. Её голос был похож на шёпот вет-

ра в пустых коридорах забытого дома. Она рассказывала о том, как родилась в облаке космической пыли, как впервые почувствовала тепло, как увидела свои первые планеты, как радовалась каждому новому дню... и как постепенно начала понимать, что её свет тускнеет.

Кот слушал, не перебивая. Он не пытался утешить звезду, потому что знал: утешения не вернут ей свет. Он просто был рядом, принимая её историю, делая её частью себя. И когда звезда замолчала, её последние слова тихо вплелись в его хвост, став ещё одним волоском, мерцающим слабым, но упрямым светом.

Но стоило Коту отойти, как он услышал другой шёпот. Не голос звезды — голос самой тьмы.

Он звучал не снаружи, а внутри, словно проникал прямо в мысли, в самые глубокие уголки памяти. Это был голос, который знал все слабости, все сомнения, все страхи.

«Зачем ты стараешься? — шептала тьма. — Всё равно всё будет забыто. Твои волоски — лишь иллюзия. Рано или поздно даже они погаснут. Память — это обман, придуманный теми, кто боится исчезнуть. Вселенная огромна, а ты — всего лишь один кот. Что может изменить один голос в этом бесконечном молчании?»

Кот замер. Впервые за всё время своих странствий он почувствовал, как сомнение коснулось его души, холодное и липкое, как туман, стелющийся по земле в безлунную ночь.

Он посмотрел на свой хвост. Тот мерцал тысячами кро-

шечных огоньков — историй, которые он собрал. Но сейчас они казались ему такими хрупкими, такими незначительными перед лицом бескрайней тьмы, которая окружала его со всех сторон.

Хватит ли этого? Хватит ли его хвоста, чтобы удержать свет хотя бы одной галактики? Или тьма права, и все его старания — лишь тщетная попытка обмануть неизбежное?

Кот медленно провёл лапой по своему хвосту, ощущая каждый волосок, каждую историю. Он вспомнил звёзды, которые доверяли ему свои последние слова, вспомнил, как их глаза — если у звёзд бывают глаза — светились благодарностью за то, что кто-то готов их выслушать.

И тогда он понял: даже если тьма права, даже если всё рано или поздно будет забыто, это не значит, что не стоит стараться. Потому что пока он помнит, пока он слушает, пока он хранит эти истории, они живы. И пока они живы, у Вселенной есть шанс не стать просто пустым пространством, заполненным молчанием.

— Я не обещаю, что смогу спасти всё, — тихо произнёс Кот, обращаясь к тьме, хотя та не нуждалась в ответах. — Но я обещаю, что не забуду. И я буду рассказывать эти истории снова и снова, пока у меня есть голос.

Тьма усмехнулась — беззвучно, но Кот почувствовал эту усмешку, как порыв ледяного ветра.

— Посмотрим, — прошептала она. — Посмотрим, сколько продержится твой свет.

Кот не ответил. Вместо этого он повернулся и направился к следующей звезде, чья песня уже начинала затихать. Его хвост слегка подрагивал, и в каждом его волоске мерцали истории — маленькие, упрямые огоньки, отказывающиеся гаснуть.

Он шёл сквозь тьму, и тьма отступала перед ним — не потому, что боялась, а потому, что не могла заглушить шёпот памяти.

Потому что там, где есть тот, кто готов слушать, даже самая глубокая тишина не может победить окончательно.

Глава 3. Встреча у погасшей звезды

Они пришли к останкам звезды с разных сторон Вселенной — один из сада, где время кружилось, как лепестки в водовороте, другой из пустоты, где даже эхо забывало собственный голос. И встретились у того, что когда-то было сердцем целой системы.

Теперь здесь не было сердца. Только холодное кольцо пыли, похожее на обруч из пепла, и пустота, которая не просто молчала, а будто бы старательно стирала само воспоминание о том, что здесь когда-то пылал свет. Планеты, вращавшиеся вокруг этой звезды, стали серыми и безжизненными; их орбиты ещё сохраняли прежнюю форму, но это была форма без содержания — как след ноги на песке, который вот-вот смоем прилив.

Садовник стоял, склонив голову, и осторожно касался

пальцами кольца пыли. Для него это была не просто мёртвая материя. Это была почва — горькая, тяжёлая, но всё ещё способная что-то родить. Он чувствовал, как в этой пыли ещё дрожит отголосок бывшего жара, словно звезда оставила после себя крошечное, упрямое семя надежды.

— Здесь можно что-то вырастить, — тихо сказал он, скорее самому себе, чем кому-либо ещё. — Нужно только терпение. И немного света, чтобы разбудить память этой пыли.

Кот, сидевший чуть поодаль, на обломке астероида, смотрел на Садовника с насторожённым интересом. Его хвост слегка подрагивал, и в каждом волоске вспыхивали крошечные огоньки — истории, которые он уже успел собрать. Но сейчас эти огоньки казались тусклее, чем обычно, будто сама пустота вокруг пыталась их приглушить.

— Терпение? — переспросил Кот, и его голос прозвучал сухо, как скрип звёздной пыли под лапами. — Здесь уже нечего ждать. Звезда погасла. Её история закончилась.

Садовник медленно поднял глаза. В его взгляде не было гнева — только глубокая усталость и тихая обида, как у того, кто всю жизнь сажал семена, а ему говорили, что земля бесплодна.

— История не заканчивается, когда гаснет свет, — возразил он. — Она только переходит в другую форму. В семя. В почву. В ожидание.

Кот фыркнул, но в этом фыркание не было насмешки — только боль.

— Ты не понимаешь, — сказал он, глядя куда-то в сторону, будто избегая встречаться взглядом с Садовником. — Я слышу, как Вселенная шепчет: «Забудь». И она не просто гасит звёзды. Она стирает их имена. Даже я... даже мой хвост не успевает за этим. Я собираю истории, но они исчезают быстрее, чем я успеваю их запомнить.

Садовник сделал шаг вперёд, осторожно, как будто боялся спугнуть хрупкое равновесие этого места.

— Тогда давай сделаем так, чтобы им было за что держаться, — предложил он. — Я могу посадить здесь семя. Оно прорастёт не сразу. Может быть, через тысячу лет. Но если ты расскажешь ему историю этой звезды... если ты вложишь её в почву, как свет, то у семени будет не только сила расти, но и причина.

Кот недоверчиво приподнял бровь.

— Ты хочешь, чтобы я рассказывал истории семени? — спросил он, и в его голосе прозвучало нечто среднее между скепсисом и надеждой. — Семя не слышит.

— Оно чувствует, — спокойно ответил Садовник. — Всё во Вселенной чувствует. Даже пыль помнит, какой была звезда. А семя... семя помнит всё, что было до него.

На мгновение воцарилась тишина — та особенная тишина, которая бывает только в местах, где когда-то бушевал огонь. И в этой тишине оба почувствовали, как холод забвения ползёт по космосу, не спеша, но неумолимо. Он не кричал, не грозил — он просто был. И с каждым мгновением

становился плотнее, тяжелее, холоднее.

Кот посмотрел на свой хвост. Огоньки в нём мерцали всё слабее, будто тьма пыталась задуть их по одному. Он провёл лапой по шерсти, ощущая каждый волосок, каждую историю, которую он нёс. И вдруг понял: если он будет только хранить, только собирать, только прятать в себе — этого недостаточно. Истории должны жить не в его хвосте, а в чём-то большем. В том, что сможет пережить даже его.

— Хорошо, — наконец произнёс он, глядя прямо на Садовника. — Я расскажу. Но не семени. Я расскажу тебе. А ты... ты посадишь это вместе с ним. Пусть история станет почвой, а семя — её продолжением.

Садовник кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность. Он достал из своего мешочка крошечное семя — такое же хрупкое, как надежда в сердце старика. И положил его на ладонь, как кладут самое дорогое.

— Расскажи, — попросил он тихо. — Расскажи всё. Даже то, что кажется неважным. Даже шёпот, который почти не слышно.

И Кот начал говорить.

Он рассказывал о том, как эта звезда родилась — не в тишине, а в грохоте и свете, как она впервые увидела свои планеты и как радовалась их вращению. Он говорил о её песнях, о её молчаниях, о её страхах и надеждах. Он рассказывал не как летописец, сухо и по порядку, а как тот, кто был рядом, кто видел, как гаснет свет, и не отвёл взгляда.

А Садовник слушал. И пока Кот говорил, он осторожно опускал семя в пыль, прикрывал его, словно укрывал одеялом, и шептал над ним слова, которые были не заклинанием, а обещанием: «Расти. Помни. Будь светом».

Когда Кот закончил, в воздухе повисла тишина — но уже другая. Не мёртвая, не пустая, а наполненная отголоском рассказанной истории. И в этой тишине оба почувствовали: что-то изменилось. Не кардинально, не сразу, но ощутимо. Как будто пространство вокруг них чуть-чуть отступило перед памятью и заботой.

— Спасибо, — тихо произнёс Садовник, не поднимая глаз. — Теперь у этого места есть шанс.

Кот хотел было что-то ответить, но вместо слов просто кивнул. И впервые за долгое время почувствовал не тяжесть всех собранных историй, а силу — силу того, что они могут что-то изменить.

Они стояли рядом у останков звезды, которая когда-то была сердцем целой системы, и смотрели, как первые искры нового света начинают пробиваться сквозь тьму — не яркие, не ослепительные, но упрямые и настоящие.

Потому что там, где встречаются забота и память, даже самое холодное забвение не может победить окончательно. И пусть семя ещё не проросло, пусть история ещё не стала легендой — искра понимания уже зажглась. И эта искра была сильнее любой тьмы.

Глава 4. Семена, которые не всходят

Сад Космического садовника всегда жил по ритму дыхания Вселенной: вдох — прорастание, выдох — цветение, долгая пауза — созревание. Но теперь этот ритм сбился. Воздух стал тяжёлым, словно пропитанным тишиной, которая не успокаивала, а давила. Садовник чувствовал это каждой морщиной на своих руках, каждым седым волосом, помнившим прикосновение звёздного ветра.

Он ходил между рядами клумб, где вместо цветов пульсировали сгустки космической пыли, и останавливался у каждого семени, будто надеялся услышать сквозь почву тихий стук пробуждающегося ростка. Но земля молчала. Не просто молчала — она будто бы отталкивала жизнь, высасывая из семян самую суть надежды.

Садовник сажал их по всем правилам, отточенным веками: в определённое время, под определённым углом, сопровождая каждое движение словами, которые были не заклинаниями, а обещаниями. Он шептал семенам: «Ты сможешь. Ты рождён для света. Тебе нужно только немного времени». Но время будто застыло, превратившись в ледяную корку, сквозь которую не мог пробиться ни один росток.

— Терпение, — повторял он, как мантру, склоняясь над очередной ямкой. — Красота требует времени.

Но в этот раз слова звучали пусто, как эхо в заброшенном доме. Садовник вдруг с ужасом понял, что повторяет их скорее для себя, чем для семян. Потому что впервые в жизни

он не верил в них до конца.

Дети, которые учились у него, стояли поодаль, не решаясь подойти ближе. Они видели, как дрожат руки Садовника, когда он берёт очередное семя, как в его глазах мелькает тень сомнения — чувство, которого они никогда раньше не замечали. Для них он был воплощением уверенности, каменной стеной, за которой даже самая глубокая тьма казалась нестрашной. А теперь эта стена дала трещину.

— Учитель, — тихо позвал один из учеников, мальчик с глазами, похожими на две далёкие галактики. — Может, стоит подождать? Может, просто... подождать ещё немного?

Садовник медленно выпрямился, опираясь на посох, вырезанный из застывшего света кометы. Он посмотрел на ребёнка, и в его взгляде мелькнуло что-то горькое, но не злое — просто усталость, накопившаяся за тысячелетия заботы.

— Иногда, — произнёс он, — даже терпение бессильно перед пустотой.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и страшные, как камни. Дети переглянулись, не зная, что на них ответить. Они привыкли слышать от Садовника, что всё возможно, если только не сдаваться. А теперь он сам, казалось, был готов опустить руки.

В этот момент из тени вышел Кот. Он двигался бесшумно, как всегда, но сейчас его шаги звучали особенно отчётливо — будто сама тишина прислушивалась к нему. Его хвост слегка подрагивал, и в каждом волоске мерцали истории, но

даже они казались приглушёнными, словно тьма пыталась стереть и эти крошечные огоньки.

— Ты смотришь на это неправильно, — сказал Кот, останавливаясь рядом с Садовником. — Ты ждёшь, что семя проснётся само. Но сейчас ему нечего пробуждать. Забвение вытягивает из него не влагу и не тепло — оно вытягивает память о том, что значит быть живым.

Садовник горько усмехнулся.

— И что ты предлагаешь? Рассказывать семенам истории? Они не слышат.

Кот слегка наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку — не весёлую, а упрямую, как у того, кто знает, что прав, даже если никто не хочет слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.